

В МИРЕ ТВОРЧЕСТВА

ДРАМАТУРГИЯ великого пролетарского писателя пришла на эстонскую сцену в преддверии первой русской революции. В театральной жизни Эстонии этот период был отмечен не только интенсивной работой и количественным ростом любительских и полупрофессиональных театральных трупп (первые профессиональные эстонские театры были организованы несколько позже — в 1906 году), но и их размежеванием, обусловленным различным пониманием общественной миссии театра, различием целей, которые ставили перед собой сценические коллективы, различием аудитории, к которой театры адресовали свое искусство.

Более опытные старые труппы, работавшие при обществах, превратившись к концу прошлого века в общества местной буржуазии, не могли отвечать потребностям и чаяниям демократических слоев населения. Передовая часть эстонской демократии начала в противовес театрам буржуазных обществ создавать свои демократические театры. Как правило, в их репертуаре преобладали пьесы социально-обличительного содержания.

В одном из таких любительских театров — при обществе «Валгус» в городе Пярну — и была в 1903 году впервые на эстонской сцене поставлена пьеса Максима Горького «На дне».

Инициатором постановки и переводчиком пьесы был местный журналист В. Лидих, человек, тесно связанный с революционным движением и ставший в 1905 году одним из руководителей революционных выступлений трудящихся в Пярну.

К сожалению, не сохранилось материалов, позволяющих реконструировать этот спектакль, но участники его вспоминают, что как в декорациях и мизансценах, так и в трактовке отдельных образов пьесы труппа

«Валгус» пыталась следовать за спектаклем Московского художественного театра.

К тому времени произведения Горького были в Эстонии уже достаточно популярны, а сведения об успехе «На дне» в Москве и Берлине столь сенсационны, что шумевшую пьесу взяли в свой репертуар и ведущие полупрофессиональные театры Тарту и Таллина — «Ванемуйне» и «Эстония».

Впрочем, говорить об обращении «Эстонии» к «На дне» только как о дань «крику моды» было бы несправедливо. Хотя руководство «Эстонии» радикально по политическим взглядам не отличалось, в труппе общества было немало людей, чьи симпатии были на стороне трудящихся и их борьбы. Более того, в труппе были в то время люди, активно участвовавшие в революционном движении. Среди них — актер и режиссер Юлиус Россфельдт. Это он впоследствии возглавил рабочий театр при народном доме фабрики Лютера, а после победы Великой Октябрьской социалистической революции руководил Театром таллинских рабочих. В труппе «Эстония» был тогда и Юлиус Грюнберг, стрелявший впоследствии на Кавказе в генерал-губернатора и осужденный за это на каторжные работы. В спектакле «На дне», поставленном в «Эстонии» 21 сентября 1903 года (режиссер Виллем Таль), Ю. Россфельдт играл роль Клеца, а Ю. Грюнберг — Сатина.

Спектакль этот прошел с небывалым успехом. Даже такой требовательный критик, как Эдуард Вильде, высоко оценил первое обращение «Эстонии» к творчеству Горького. Сравнивая постановку «На дне» в «Эстонии» с берлинским спектаклем Макса Рейнгартта, Э. Вильде отдал предпочтение работе таллинцев, считая ее более правдивой в передаче национального характера героев, бол-

Горький на эстонской сцене

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. ГОРЬКОГО

шее естественное по актерскому исполнению и более глубокой в раскрытии авторской идеи.

Менее подготовленной к встрече с драматургией Горького оказалась труппа «Ванемуйне», которую возглавлял Август Вийра. К началу нынешнего века эта труппа, сыгравшая в свое время большую роль в становлении и развитии эстонского театрального искусства, переживала период упадка. Если известная часть зрителей импонировали культифицировавшиеся труппой Вийра феерии «с пением, танцами и бенгальскими огнями», мелодрама, фарс, мифологические и псевдонародные драмы эпигонов романтизма, то интеллигентная публика (а Тарту был в ту пору центром эстонской интеллигенции) требовала радикального обновления «Ванемуйне» и охотнее посещала спектакли труппы «Таара».

Попытка А. Вийра и его актеров достигнуть им в ту пору средствами осуществить постановку «На дне» окончилась провалом. Газеты писали, что актеры «Ванемуйне» «оказались совершенно беспомощными, когда им пришлось встретиться в драматургии с реальной жизнью», и добавим от себя, — с философской мыслью А. М. Горького.

Чем ближе к революции, тем бол-

ше коллективов обращается к Горькому. Даже таллинское общество «Лютус», чья труппа довольствовалась обычно увеселением зрителей неприязнительными фарсами, не прошло мимо драматургии Горького и поставило на своей крохотной сцене «Мещан»...

«На дне» оставалась в числе «репертуарных» пьес эстонского театра и на протяжении многих последующих лет. В 1907 году она была вновь поставлена в «Эстонии» Паулем Пинна. С этим спектаклем театр (к тому времени ставший уже профессиональным) гастролировал в Финляндии. В 1909 году Карл Меннинг поставил «На дне» в «Ванемуйне», ставшем тоже уже профессиональным театром. В спектакле были заняты лучшие актеры обновленной труппы, имена которых прочно вошли в историю эстонского театра: Леопольд Хансен (Коростелев), Эдуард Тюрк (Вася Капел), Александр Тейтсов (Ахтер), Мари Мельдре (Настя) и другие.

В 1917 году театр «Эстония» в третий раз осуществил постановку «На дне». И снова ее режиссером был П. Пинна. Роль Сатина исполнил Карл Юнгхольд, роль Луки — безвременно скончавшийся Тоомас Тонду. В том же году «На дне» поставил еще один таллинский сценический коллектив — Эстонский драматический театр (предшественник нынешнего Таллинского государственного академического театра драмы имени В. Кингисеппа). Режиссер — Эдуард Тюрк. Он же поставил «На дне» в том же театре и в 1921 году.

Пьеса «На дне» ставилась в пярнуском театре «Эндла» (1923), в Нарвском театре (1924), в «Ванемуйне» (1924) с Леопольдом Хансеном в роли Луки, в вильяндиском «Угала» (1928), в таллинском Рабочем театре (1931) и снова в «Ванемуйне» (1938). Наиболее значительным был спектакль, поставленный в таллинском Рабочем театре Хильдой Глезер. Роль Барона блестяще исполнил в нем один из своеобразнейших эстонских актеров Рутс Бауман.

В течение ряда лет «На дне» оставалась единственной пьесой, представлявшей драматургию Горького в репертуаре эстонских театров. В этом была своя закономерность: буржуазия всячески пыталась установить «железный занавес», ограждавший эстонских трудящихся от идейного влияния Советской России. Не в почете была и русская классика, объявленная глубоко специфичной, трагующей чуждый эстонскому зрителю быт. Пробраться на сцену пьесам Горького было в этих условиях нелегко.

Лишь в конце тридцатых годов Приюту Пылдросу удалось увеличить список горьковских пьес в репертуаре эстонского театра. На сцене таллинского Рабочего театра была поставлена пьеса «Егор Булычев и другие». В тексте были сделаны купюры и перемонтированы. Изменили и название. В афише значилось: «Перед бурей».

С восстановлением в Эстонии Советской власти в 1940 году театры, естественно, с живейшим интересом обратились к советской драматургии. И, конечно, к произведениям Максима Горького. Театр «Эстония» поставил в сезоне 1940/1941 годов два произведения великого пролетарского писателя — «Васю Железнову» и «Мать» в инсценировке Андруса Сярева. Оба спектакля поставил А. Сярев и в обоих заглавные роли исполнили одной из величайших эстонских актрис Лийной Рейман. Если в работе над образом Вассы Л. Рейман могла в известной мере опираться на свои собственные жизненные наблюдения и на созданные ею в прежние годы замечательные сценические образы «сильных» женщин капиталистического общества (такие, как, например, Хозяйка Нийскавиори в пьесах Х. Вуолиойки), то, создавая образ Пелагеи Ниловны, ак-

трисе пришлось осваивать новый и необычный для нее материал. Тем значительной оказалась ее творческая победа: образ простой женщины, приходящей к пониманию законов и требований классовой борьбы через огромную любовь к сыну, к людям, посвятившим себя революции, стал одним из высших творческих достижений великой актрисы.

Спектакли театра «Эстония» оказались эпохальными в театральной жизни эстонии не только благодаря превосходным работам Л. Реймана. Обе постановки были богаты актерскими удачами. Это работы Хуго Лаура (Прохор Храпов), Мари Мельдре (Анна), Метти Луте (Рашель), Марс Лест (Наталья), Ретт Арма (Юдмила) в «Васе Железновой», Антса Лаутера (Андрей Наводка), Казрела Карма (Павел Владо) и ряда других в «Матери». Но главное, оба спектакля показали новое качество театра «Эстония» — новое отношение к изображаемому. Никогда до «Вассы Железновой» «семейная» драма не раскрывалась в спектаклях этого театра, как драма социальная. Никогда с такой железной последовательностью и с таким пристрастием не раскрывали актеры «Эстонии» социальных корней поступков, преступлений и бед своих героев, историческую и социальную детерминированность их характеров, их отношения к жизни, их обреченности.

Значительным достижением Таллинского драматического театра явился поставленный Лео Кальметом в том же сезоне спектакль «На дне». Пьеса, уже давно знакомая эстонскому зрителю, прозвучала в новой постановке неожиданно страстно, спор ее героев о правде, справедливости, о признании человека захватил зрителей с неожиданной силой. В большой мере это было заслугой замечательного актера Августа Сунне, исполнявшего роль Сатина. Ставшие уже хрестоматийными афоризмы Сатина обрели в устах А. Сунне неожиданную свежесть первоизданности. Они не «цитировались» актером, а рождались тут же, на сцене, как результат мучительных раздумий Сатина, в которых он стремился уяснить себе, в чем был прав, а в чем не прав старик, взорвавший своей тихой лукавой проповедью душевную инертность обитателей ночлежки.

Спектакль Л. Кальмета, внешне верный быту, не был «бытовым» в привычном смысле этого слова. Он привлекал психологической правдой поведения действующих лиц, психологической глубиной раскрытия характеров. Но и правда бата, и психологическая правда играли в спектакле подсобную роль. Они создавали реальную конкретную почву, на которой вырастала интеллектуальная драма, страстный философский диспут.

К сожалению, в таком качестве постановка оставалась недолго. После трагической смерти А. Сунне на роль Сатина был введен другой актер, внесший в исполнение роли Сатина романтическую позу и звуковую риторику, противопоставленные духу и характеру спектакля Л. Кальмета.

В годы фашистской оккупации пьесы Горького, естественно, исчезли из репертуара эстонских театров. Они вернулись на сцену вскоре после освобождения республики. Уже в июне 1945 года Таллинский государственный драматический театр показал зрителям сочный и яркий, подлинно горьковский спектакль «Мещан» с превосходными Перчичными (И. Кальвола) и Тетеревыми (А. Суурорт), с интересными Петром (В. Алев), Нилом (В. Ратасен), Татьяной (Л. Рейал).

Осенью 1945 года «Мещане» были поставлены в валтаском театре «Сяде» (постановщики Э. Леммисте и В. Сури), а в январе 1946 года — в «Ванемуйне» (постановщик К. Ирд). Весной 1947 года «Мещан» показал и пярнуский театр «Эндла». Спектакль был поставлен Эдуардом Тюр-

ком. Он же прекрасно играл старика Бессеменова.

«Мещане» и «На дне» прочно вошли в обиход эстонского театра. На этих пьесах учились мастерству и студенты Таллинского театрального института. В дипломных постановках, осуществленных Лео Кальметом, интересно показали себя студенты-выпускники, ставшие впоследствии ведущими актерами театров: Юри Ярвет (Перчихин), Олев Тинн (Лука), Гуннар Кильгас (Нил), Эдлен Ала-кола (Татьяна), Эдлен Каарма (Пол) и другие.

Конец сороковых — начало пятидесятых годов значительно расширили знакомство эстонского зрителя с драматургией Горького. В 1946 году театр «Эстония» поставил «Врагов» (постановщик А. Лаутер). Высоко оцененный критикой, этот спектакль был богат яркими актерскими работами: Х. Лаур — Захар Бардин, А. Лаутер — Михаил Скроботов, П. Пинна — генерал Печенегов, А. Рандвийр — Левшин, А. Тальви — Татьяна, Л. Раяла — Яков Бардин. Успешно выступили в этом спектакле и молодые актеры Майму Кенте (Клеопатра), Аста Лотт (Надя) и Бернгард Лолле (Николай Скроботов).

В 1950 году М. Мерянская в Ракверском театре впервые на эстонской сцене поставила пьесу «Старик» с Августом Ляане в заглавной роли и с превосходной Девией — Х. Кягу. В том же году два театра показали уже знакомую по довоенной постановке пьесу «Вася Железнова» — Таллинский драматический театр (постановщик В. Ратасен) с Катрин Вильде в роли Вассы и Хуго Лауром в роли Храпова, и пярнуский театр «Эндла» в постановке молодого тогда режиссера Ильмара Таммура.

Во второй раз обратился эстонский театр в том же году и к «Егору Булычеву». За эту пьесу взялся Каарел Ирд. Правда, образ самого Егора не обрел в спектакле «Ванемуйне» должной психологической глубины и трагической силы, но удачными оказались «другие», окружение Егора, та «чуждая улица», на которой Егор жил и с которой оказался в конфликте: мучимый Меланья (Эло Таммуль), Звонцов (Каарел Ирд).

В 1953 году список горьковских пьес в эстонском театре увеличился еще на два названия. На сцене Таллинского драмтеатра появились «Дети солнца» и «Варвары».

Первый из них (постановщик А. Сярев) был спектаклем мастеров. Роль Протасова прекрасно играл Антс Эскола. В других ролях были заняты Метти Луте, Эдлен Лийер, Каарел Карм, Хуго Лаур, Вальдеко Ратасен, Оскар Пылда и другие. Главным достоинством спектакля было глубокое раскрытие сущности «протасовщины», непримиримо-страстное обличение порочности позиции Протасова, преступности его чистоплюя, его попыток быть «над борьбой», бежать от действительности в мир красивых выдуманных вещей.

Однако многое из этой сложной пьесы оставалось в спектакле нераскрытым. Слабыми оказались массовые сцены.

«Варвары» был спектаклем «молодежным», смотром нового поколения труппы. Он явился одной из дипломных постановок эстонской студии Государственного института театрального искусства (ГИТИС) имени А. В. Луначарского, подавляющее большинство выпускников которой было зачислено в труппу. Спектакль, поставленный выдающимися режиссерами-педагогами И. Раевским и И. Судаковым, с лучшей стороны представил зрителю молодое пополнение эстонского театра. Такие работы, как Монахов (Калло Кийск), Цыганов (Григорий Кроманов), Анна (Сильвия Лайдла), Дунькин муж (Эрвин Абель), Гриша Редозубов (Янус Оргулас) и другие, продемонстрировали не только одаренность молодых актеров, но и высокий уровень их профессионального мастерства.

Пополнение театра большой группой молодых актеров, убедительно продемонстрировавших свои возможности в интерпретации драматургии Горького, давало зрителям право надеяться на увеличение удельного веса произведений великого пролетарского писателя в репертуаре ведущего драматического театра республики. Однако этого не случилось. В течение четырнадцати лет после постановки «Варваров» Таллинский драмтеатр лишь раз обратился к Горькому, поставив в 1958 году «Егора Булычева и других» (постановщик И. Таммур).

Редким гостем стала драматургия Горького и в других эстонских театрах. С 1953 года по 1967 год, кроме «Егора Булычева», театры республики показали всего два горьковских спектакля — «Старик» в постановке Паули Мязотса в Пярнуском театре имени Лидии Койдула (1955) и «На дне» в постановке Кулло Сивалена в Ракверском театре (1959).

Чем объяснить, что пьесы титана социалистической литературы на столь долгий срок исчезли с афиш эстонских театров? Чем объяснить, что даже удачные постановки горьковских пьес не привлекали в театр должного количества зрителей? Кто был в этом виноват: сам Горький, режиссеры, ставившие его пьесы, актеры, занятые в этих спектаклях, или же зритель?

Ответ на этот вопрос дала практика последнего времени, когда после долгих лет пренебрежения театров русской классикой появились постановки классических пьес, ставшие «популярными сезонами» в Москве, Ленинграде и ряде других городов нашей страны. «Три сестры», «Горе от ума», «Варвары» и «Мещане» в Ленинградском Большом драматическом театре имени Горького, «Дачники» и «Правда хорошо, а счастье лучше» в Малом театре, «Ревизор» во МХАТе, «Смерть Иоанна Грозного» в ЦТД, «Чайка» в Московском театре имени Ленинского Комсомола, «Доходное место» в Театре сатиры, «Смерть Тарелкина» в театре имени Вл. Маяковского, «Последние» в Рижском ТЮЗе — вот далеко не полный список постановок русской классики, ставших наиболее значительными театральными событиями последних сезонов и наиболее посещаемыми спектаклями.

Разрушив ставшие уже каноническими традиции прочтения и сценической интерпретации классических пьес, театры сломали искусственную стену, отделявшую на сцене классику от современности. Старые пьесы зазвучали по-новому, обрели актуальность, вызвали ассоциации, заставившие зрителя думать о важнейших проблемах современности.

Когда произведения классики ставятся театром не для того только, чтобы «отдать дань уважения» великому писателю и проставить галочку в соответствующих отчетах, а потому, что театр увидел в пьесе возможность для серьезного и нужного зрителю разговора о проблемах, волнующих нас сегодня, когда в выборе режиссерского и актерских решений театр не следует протоптанной дорожке за своими именитыми предшественниками, а ищет и находит свои, подчас неожиданные, прочтения пьесы, неожиданные тропы, спектакль, как правило, становится событием театральной жизни и находит живой отклик у зрителя.

Таким в нашей республике стал горьковский спектакль, поставленный в 1967 году Государственным ТЮЗом ЭССР. Инсценированная Вольдемаром Пансо, читанная и перчитанная каждым зрителем «Мать» прозвучала со сцены ТЮЗа свежо и актуально, захватывая сидящих в зале страстной горьковской мыслью, оказавшейся неожиданно такой нужной зрителю, такой созвучной его собственному душевному настрою...

Столетие со дня рождения Алексея Максимовича Горького эстонские театры готовятся отметить тремя новыми спектаклями: в Таллинском государственном академическом театре драмы имени В. Кингисеппа впервые на эстонской сцене будет поставлена одна из лучших пьес М. Горького — «Последние» (постановщик Бен Дрей), в Государственном академическом театре «Ванемуйне» Каарел Ирд готовит «Старика», а выпускники кафедры актерского мастерства консерватории покажут на экспериментальной сцене ТЮЗа ЭССР в качестве одной из своих дипломных работ «На дне» в постановке Григория Кроманова. Хочется верить, что творческие коллективы, готовящие эти спектакли, не ограничатся задачей отметить юбилейную дату. Хочется надеяться, что каждый из этих спектаклей создаст их сумеют сказать свое новое и свежее слово в трактовке Горького. То слово, которое сделают новые горьковские спектакли, по-настоящему актуальными, остро современными, обогащающими зрителя не только знанием того, как жили люди в описанное Горьким давно минувшее время, но и более глубоким пониманием нашего сегодня.

Сергей ЛЕВИН.